

Главы 5-6

Всё у нас живо. Главы 5-6

Жанр произведения: Историческое

Произведение написал автор BookBox Андрей Драгунов

Ссылка на публикацию

Глава 5. Кое-что о прежней России и царе Николае II – А в самом деле, почему император не явился на бал, а императрица так скоро покинула его? – под стук вагонных колёс спросил я у Анатолия Сурского.

И со вздохом мой попутчик ответил:

– Да потому, что они всё в точности знали, что грядёт. Ну разве до балов им было?

Знаешь, Алёша, Бог всегда предупреждает людей о том, что Он собирается сделать, и даёт людям это в виде пророчеств. Он как бы грозит нам пальчиком, чтобы мы одумались, а иначе будет то-то… Если люди проявляют благоразумие и исправляются, то Бог всё им прощает и их Благословляет. Но если они продолжают Его гневить, то получают обещанное.

Вот как рассказал о сути пророчеств в своей авторской песне иерей Андрей Гуров:

Пророчества не пишут молоком,

Да и вообще ничем не на бумаге,

Они приходят чистым языком,

Из уст какого-то блаженного бродяги.

Тот, кто вложил пророчество в уста,

Спасая нас по жизни одиноких,

Напоминает нам, что истина одна,

Если идти по Им указанной дороге.

Сие одним дано – понять,

Сие другим дано – увидеть,

В сознанье третьим – воспринять,

И лишь четвёртым в дар – предвидеть.

А что есть истина? А истина одна,

Она всему конец, всему начало,

Её нашедших – поднимала и со дна,

А потерявших – вниз с небес она бросала.

И трудно верить в то, пока живёшь,

Что подчиняться нужно Воле Свыше,

И много времени пройдет, когда поймёшь,

И о пути своём пророчество услышишь.

А как же выбрать истину из двух?

Как распознать – где Божий Глас, а где – лукавый?

Но если веруешь – душе подскажет Дух,

Как жаль, что в нас Его почти уж не осталось.

И как же мало среди нас, кто б смог понять,

Гораздо меньше тех, кто б смог увидеть,

Ничтожно мало тех, кто смог бы воспринять,

И никого, пожалуй, кто бы смог предвидеть.

Один из русских провидцев, говоря о былой Святой Руси, пишет, что удостоился видеть очень большую колонну людей, в основном состоящую из весьма колоритных крестьян, которая двигалась в Рай. Шли те люди очень плотно и даже слегка подталкивая друг друга, как бы говоря: «Быстрее-быстрее». И ему казалось, что там идёт куда больше людей, чем живёт на Земле. Вот какие плоды приносила Русь Святая Богу. А к началу XX века этот поток почти полностью иссяк, и подавляющее большинство россиян по исходу из жизни стали валиться только вниз…

О том, что при последнем царе Россию ждёт Гнев Божий, и каким он будет, россиян предупредили многие святые XIX века. Но ситуация не улучшалась. Русский народ в неудержимой погоне за земными ценностями массово забывал о Небесном и проявлял неуклонное падение нравов.

Более тысячи лет назад, при крещении Руси, на неё низошла такая обильная Благодать, что кровь наших предков на генном уровне оказалась изменена. Вот именно оттого подданные Святой Руси ищут всегда Царства Божьего и пребывают в живом общении с Небом. Как говорят святые, каждая человеческая душа, живущая на Земле – это тело в крови! Вот почему у россиян души боголюбивые.

За минувшее тысячелетие у большинства русских родов эта программа их собственными грехами оказалась повреждена. Но прежняя Святая Русь так угодила Богу, что Он пожелал её воскресить и распространить на всю Землю. А сделать это возможно методом «перезагрузки», когда неповреждённые роды в годы безвременья для будущей «закваски» сохраняются. И вот так, похоже, Василия и Полину Андреевых Господь в их число включил.

Во время «перезагрузки» вся будущность зависит от очень небольшого числа людей, и, как бы, всё висит на одном гвозде. И гвоздём тем был тогда – царь Николай II. И враг понял, что, сокрушив последнего русского царя, он тем уничтожит и Русь Святую уже навсегда.

Как и по каким Законам происходит спасение России – выше нашего человеческого разумения. Но мы видим, что последний русской царь принёс сам себя в жертву, подобно Иисусу Христу. Всё это, несомненно, вызвало цепь мировых событий, которые, в конечном итоге, и приведут к великому возрождению России. Но если бы царь Николай II не сделал того, что сделал, то тогда Русь, как и Византия, была бы «разобрана на соль» и исчезла навсегда. И потому за душу Николая II на протяжении всей его жизни шла великая борьба.

Тьма не связана с Богом, и потому она духовной ясности не имеет. И ей известно только то, что она сама задумала сделать в среде не защищённых Божественной Благодатью людей. О ходе же мировых событий она ничего не знает. Глобальные пророчества о судьбах России от Бога и о страшной революции в ней, собственно и вдохновившие царя Николая II на подвиг, были даны в начале XIX века двумя иеромонахами святой жизни – насельником Бабаевского монастыря Вещим Авелем (Васильевым) и старцем Саровского монастыря Серафимом (Мошниным). Оба они записали в своих кельях данное им Богом и сообщили о том русским царям. Ну, а тьма – она вездесуща. Бесплотные духи зла всё это подслушали и подсмотрели…

И вот тьма вознамерилась всей тяжестью грядущего Николая II сломать или увести его от святой правой веры, что, и то – и то, делало исполнение его миссии невозможным.

Что же действительно было явлено Николаю II от Бога, а что от врага, мы будем точно знать, только войдя в Вечность. Вот сам посмотри, что происходило вокруг царя тогда.

В 1891 году цесаревич Николай и греческий принц Георг, который также на 5/8 принадлежал роду Романовых, отправились на четырёх российских военных кораблях в кругосветное плаванье.

В то время цесаревич Николай был ещё молод, не опытен, и не мог взять на плечи свои тяжкий крест. Во всех портовых городах русский наследник немало сорил деньгами, а в Японии он даже сделал себе трёхцветную татуировку в виде дракона на правом предплечье.

Когда два принца ходили по кладбищу русских моряков в Японии, хранитель его сказал цесаревичу Николаю:

– Близ Киото обитает известный отшельник – буддийский монах Теракуто. Ему открыты судьбы людей…

Конечно же, Николай и Георг решили того отшельника посетить, чтобы поразвлечься.

Теракуто они нашли лежащим на земле, в роще. Цесаревич Николай поднял его, и тот, глядя невидящими глазами, сказал:

– О, Ты, Небесный Избранник, о, великий искупитель! Вот первое знамение: «Опасность витает над Твоей главой, но смерть отступит, и трость будет сильнее меча… и трость засияет блеском».

Вот другое знамение: «Два венца суждены Тебе, царевич: земной и небесный… Наследие предков зовет Тебя к священному долгу. Их голос в Твоей крови. Они живы в Тебе…, но из них всех Ты будешь величайшим и любимейшим. Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну твою. Ты будешь бороться за всех, а все будут против Тебя… Блажен, кто кладёт душу свою за други своя. Трижды блажен, кто положит за врагов своих. Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой. А станет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а Ты свят и бессмертен. Оружие Твое против злобы – кротость, против обиды – прощение… Станешь Ты огненной преградой злу в мире». Теракуто сказал Тебе, что было открыто ему из Книги Судеб…»

А через несколько дней, на одной из тесных японских улочек, как совершенное подтверждение всего ранее сказанного Теракуто, на цесаревича Николая напал японский городовой! Это был самурай, который дважды ударил русского наследника своим мечом. И о чудо! Он раскроил ему только кожу на голове. Тут принц Георг своею тростью выбил меч из рук самурая, и того свалили с ног рикши. В итоге, как сказал Теракуто, так всё и вышло. Трость оказалась сильнее меча и, по повелению царя Александра III, она была осыпана алмазами и возвращена принцу Георгу…

Неудачное нападение самурая, вооруженного самурайским мечём, на безоружного Николая больше похоже на точно срежессированное

представление, чтобы убедить русского наследника в правдивости всего сказанного Теракуто.

Вот вторая попытка ошеломить молодого Николая II, едва взошедшего на престол.

В 1896 году, после своей коронации, император Николай II с супругою прибыл с официальным визитом в Англию. Прямо перед этим принц Уэльский пригласил знаменитого ирландского хироманта и астролога – предсказателя Хейро в свой дворец и попросил изучить даты рождения нескольких людей, не объясняя, кто они.

И на листе с датой рождения Николая II Хейро написал следующее: «Кто бы ни был этот человек, дата его рождения, числа и другие данные показывают, что в течение своей жизни он часто будет иметь дело с опасностью ужасов войны и кровопролития; что он сделает всё от него зависящее, чтобы предотвратить это, но его Судьба настолько глубоко связана с такими вещами, что его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны, и что в конце второй войны он потеряет всё, что он любил больше всего; его семья будет вырезана и сам он будет насильственно убит».

Этот прогноз ошеломил молодого императора Николая II, так как он подтвердил предсказание буддиста Теракуто. Но и в этот раз царь выстоял, так как тот был ещё молод. Однако, через год русский царь тайно приехал во Францию и пришёл на приём к Хейро, как обычный посетитель. Николай II положил перед ним лист с устрашающим предсказанием данным тем ему и попросил всё это поподробнее объяснить. Хейро при этим весьма смутился, так как он узнал свой почерк и сам прогноз, но и понятия не имел, кто к нему пришёл. Астролог свой прогноз подтвердил. Николай II заплатил ему обычную сумму и удалился.

Но, должно быть, у Николая оба раза сработала защита, когда молодой человек может не думать о том, что будет нескоро…

Сам Вещий Авель ничего предсказать не мог, но был чист, и если его о чём-то спрашивали, то он говорил только правду. Должно быть, за это, он и был избран Богом, в качестве предсказателя. Авелю стали являться два ангела, и всё, что они открывали его духовному взору – он объявлял во всеуслышание. Он предсказал нашествие Наполеона на Россию, Первую и Вторую мировые войны, и что в 1945 году «…люди овладеют страшным оружием сил природы»… Через него о судьбах своих узнали все русские цари, начиная с Екатерины II. Но, я думаю, всё это было дано просто для предания веса предсказаниям Авеля, а главным в них было пророчество для царя Николаю II.

Всем русским самодержцам было известно, что в Гатчинском дворце хранится письмо Вещего Авеля, вложенное в конверт, скреплённый печатью императора Павла I, на котором им собственноручно было написано: «Вскрыть потомку моему в 100-летний день моей кончины». И ни один из русских царей не дерзнул нарушить волю предка и вскрыть письмо раньше указанного срока. Сам же столетний срок наступил в апреле 1901 года. Собираясь ехать в Гатчину вскрывать вековую тайну, царь Николай II с супругою были очень оживлены. Но вернулись они задумчивые и печальные. С тех пор государь не раз упоминал о 1918 годе как о роковом для него и всей династии Романовых.

В пророчестве Авеля о последнем русском царе говорится: «На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим; как некогда Сын Божий. Искупитель будет, искупит собой народ свой. Война будет, великая война, мировая… По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонной друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет Трон царский. Измена же будет расти и умножаться… Мужик с топором возьмёт в безумии власть, но и сам опосля восплачется. Кровь и слёзы напоят сырую землю, кровавые реки потекут. Брат на брата восстанет. Сие есть попущение Божие, гнев Господень, за отречение России от своего Богопомазанника…».

Видишь, Алёша, чисто информативно Вещий Авель сказал то же, что и Теракуто, и Хейро. Всем посланием своим он очень аккуратно подводит Николая к осознанию необходимости искупительной жертвы за свой народ.

В июне 1901 года, когда Николай II не мало размышлял над этим, у него попросила аудиенции особая миссия далай-ламы. Царь принял тибетское посольство в большом зале Петергофского дворца. Когда император в сопровождении свиты вошёл в зал приёмов, то все буддисты низко склонились перед ним. Эти тибетцы повсюду носили с собой тяжело окованный сундук, не спуская с него глаз. И вот во время той аудиенции старый лама вынул того сундука некие одеяния, преподнёс их Николаю II и сказал:

– Это подлинные одежды Будды, к которым никто после него не прикасался. Тебе одному принадлежат они по праву, и ныне прими их от всего Тибета.

С грустью выслушал посланника далай-ламы царь Николай II. Ведь он, по сути, подтвердил предсказания Теракуто и Хейро…

Видишь, Алёша, сколь велика была ставка, что буддисты не пожалели и главной своей святыни, чтобы только увести Николая II от святой православной веры.

Душа человека является носительницей образа Бога и обладает всеми богоподобными свойствами. Она обладает безграничной памятью и видением того, что было, что есть и что будет. Своими грехами, мы все сами, всё это увечим в себе. А у того, кто постоянно стяжает Благодать Божию – происходит исцеление души, и у неё откроются свои собственные очи. Такой человек начинает ясно видеть всё, что происходит вокруг него, и даже будущее. И вот величайший святой земли русский Серафим Саровский настолько освятил свою душу, что стал сам прозревать будущее вплоть до конца времён. Он и прислал из своего прошлого царю Николаю II самое обстоятельное пророчество, чтобы укрепить его.

Когда отцу Николая II, императору Александру III, доложили, что в 1825 году саровский старец Серафим написал «Книгу предсказаний роду Романовых» и лично передал её императору Александру I, то он стал её искать. Один из списков этой книги был найден в полицейском архиве. Но при сравнении его с появившимся позже оригиналом видно, что он был подвергнут цензорской правке.

А неискаженная «Книга предсказаний роду Романовых», написанная рукою самого святого Серафима, попала к царю Николаю II так.

В конце XIX века в женский Серафимо-Дивеевский монастырь посетил паломник – Леонид Чичагов. Увидав его, блаженная Паша Саровская воскликнула:

– Вот хорошо, что ты пришел, я тебя давно поджидаю. Преподобный Серафим велел тебе передать, чтобы ты доложил государю, что наступило время открытия его мощей и прославления!… Я ничего не знаю. Передала только то, что мне повелел преподобный…

Леонид Чичагов был человеком простым, и потому представить себе не мог, как такое вообще можно исполнить. Но вскоре у него умерла жена, и он принял монашество. В свободное время в своей келье Чичагов стал писать книгу о старце Серафиме: «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря».

А когда в 1902 году архимандрит Серафим (Чичагов), позже ставший и владыкою, дописал эту книгу и окончил править её гранки, вдруг в келью к нему вошел сам старец Серафим. Он обнял Леонида, поцеловал его и сказал:

– Проси у меня всё, что захочешь!

– Батюшка, хочу быть там, где ты, – ответил тот.

Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» была прочитана всей императорской семьёй, и венценосные супруги стали горячими почитателями старца Серафима. Царь Николай II пожелал встретиться с автором этой книги. При личной встрече с царём архимандрит Серафим (Чичагов) сумел убедить его в необходимости скорейшего прославления великого саровского старца. Императрица Александра после общения со святым Иоанном Кронштадтским также приняла самое горячее участие в деле его канонизации. В 1902 году Священный Синод прославил саровского старца Серафима как Святого преподобного молитвенника земли Русской.

В 1903 году почти вся царская фамилия принимала участие в торжествах открытия мощей преподобного Серафима в Сарове. В Дивеевской обители, созданной этим святым, царская чета посетила блаженную Пашу Саровскую. Перед этой встречей блаженная велела вынести всю мебель и все вещи из своей комнаты и постелить в ней ковёр. Вот на него-то она и усалила царя и царицу строгим голосом. Беседа их продолжалась долго. Их величества ужасались. государыня была близка к обмороку, наконец, сказала:

– Я вам не верю, этого не может быть!

Тогда Паша Саровская достала отрез красной ткани, подала его царице и сказала:

– Это твоему сынишке на штанишки. А когда он родится, то поверишь и тому, что я говорила вам.

И действительно, уже через год в царской семье родился долгожданный наследник. После той поездки в Серафимов монастырь, когда всё грядущее окончательно прояснилось, государь воспарял духом и впоследствии не раз говорил:

– Везде меня встречают как царя, а в Дивеево меня приняли как человека. Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию!

С тех пор государь император взял в обычай по всем серьезным вопросам обращаться к блаженной Паше Саровской через великих князей. Бывало, не успевал один уехать – приезжал другой.

И вот, когда царь Николай II прибыл в город Саров, он и получил от Елены Ивановны Мотовиловой – жены дворянина Николая Мотовилова («служки» Серафимова) – письмо, запечатанное рукою самого старца Серафима, предназначенное лично ему. Государь принял довольно объёмный конверт и с благоговением положил его в нагрудный карман. А когда он прочитал его, то

горько плакал.

К словам батюшки Иоанна Кронштадтского царь Николай II прислушивался особо и потому много раз приезжал к нему по ночам. В 1908 году при последнем таком визите отец Иоанн сказал царю, что у него есть три пути: 1 – уехать за границу (чтобы спасти от гибели и себя, и семью свою); 2 – оставить всё и стать странником в России (как поступили император Александр I и его супруга Александра Алексеевна – ставшие первыми читателями серафимовой «Книги предсказаний роду Романовых» – которые после этого инсценировали свои смерти и стали отшельником Федором Кузьмичом и затворницей Верой Молчальницей); 3 – стать мучеником за Бога.

И царь Николай II сам избрал себе путь мученичества, за великое будущее России, что вылилось у него в полное непротивление злым силам. И это была не бесхарактерность, а полное смирение перед Божией Волей. В своём дневнике посол Франции сделал в то время такую запись: «Помолившись перед важным событием, Николай II произнес: «Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России: я буду этой жертвой – да вершится Воля Божия!»»

О том, как царь Николай II болел за Россию, видно из того, что с началом Первой мировой войны он отдал на вооружение Русской армии и на помощь семьям погибших и раненых всё своё наследство в размере 200 миллионов рублей (10-20 миллиардов современных долларов).

Но чем больше русский император и императрица трудились на благо Отечества, тем громче раздавались голоса их противников. Высокая нравственность царской семьи, следование русским духовным традициям и преданность её Богу – всё это было немым укором для представителей высшего света, погрязшего в зависти, сплетнях, интригах и жажде увеселений. Сам образ русского царя беспокоил искаженную человеческую совесть и мешал его подданным комфортно без Бога устроиться на Земле. И вот поэтому всю жизнь Царственных подвижников сопровождали хула и клевета.

Преподобный Паисий Святогорец современным языком раскрывает смысл одного из важнейших для нас Духовных Законов:

– Если обвинение верно, но перенесено без ропота, то человеку списывается что-либо из его прежних долгов. Если же сказанное неверно, то ему на счет в Небесном банке приходит поступление. В банке Бога процент самый высокий, но чтобы получать его, надо иметь в нём счет.

По одной только этой статье все Царственные страстотерпцы, находясь на Земле, накопили там, на Небе, великие сокровища.

Видя, к чему всё идёт в России, император и императрица жили глубокой верой, много молились и постоянно поднимались на всё большую нравственную высоту. А балы в Зимнем дворце, которые сами дворяне называли «беснованиями», они свернули.

И вот слова святителя Иоанна Златоуста, сказанные в начале V века, как будто про нашего императора Николая II: «Править народом может любой, но умереть за народ может только царь. Царь и народ – неразделимы».

– Но предупреждён, значит – вооружен, – сказал я, сидя в вагоне, Анатолию Сурскому. – Так неужели ничего нельзя было сделать, чтобы предотвратить гражданскую войну?

– Николай II многое перепробовал, чтобы «переломить судьбу».

За реализацию одной из них Николай II получил в западной прессе прозвище «Царь-миротворец». В 1899 и в 1907 годах от имени России он созвал в голландском городе Гаага два «Конгресса мира». На них был поднят вопрос о недопустимости гонки вооружений, разрушающей финансово-экономическое и морально-нравственное состояние общества. Большинство делегаций поддержали российские инициативы, но вот Британия и Германия стали осмеивать их. Но, тем не менее, на «Конгрессах мира» была подписана конвенция о правилах ведения войны, и был учрежден постоянно действующий «Международный арбитражный суд» в Гааге. Международные документы, принятые на этих конференциях, оказались весьма жизнеспособными и вошли в уставы Лиги Наций и ООН.

В марте 1905 года царь Николай II со своим стремлением «Смирить всех в любовь» пришёл на собрание русских архиереев, в Священный Синод, и там им сказал:

– В нашем отечестве, как и во времена патриарха Гермогена, наступают смутные времена. В России назрела необходимость восстановления патриаршества. В связи с этим я готов оставить престол сыну, при регентстве из императрицы и моего брата Михаила, а самому принять монашеский постриг и стать патриархом. Угоден ли я вам?

И в ответ последовала тишина…

Тогда государь окинул гневным взглядом высшее духовенство России, поклонился ему и вышел вон…

Ещё одним направлением деятельности императора, нацеленным на предотвращение или смягчение грядущих событий, были его труды по экономическому укреплению России. Благодаря его верно принятым решениям наша страна совершила небывалое «экономическое чудо», и по многим показателям производства вышла на первые места в мире.

А самым последним усилием Николая II «переломить судьбу» – была его попытка предотвратить Первую мировую войну. К 1914 году соперничество великих европейских держав обострилось настолько, что император Германии Вильгельм II заявил:

– Русско-Прусские отношения умерли навсегда! Мы стали врагами.

И вот 15 июля 1914 года на Балканах раздался сараевский выстрел. Австрия сразу же объявила Сербии войну и подвергла её столицу жесточайшему артиллерийскому обстрелу. В Белграде погибло много гражданского населения.

Русский император Николай II тотчас разослал монархам и правительствам Германии, Австро-Венгрии, Франции и Англии телеграммы, где заверял, что у России нет завоевательных планов в отношении Германии, и настойчиво предлагал передать австро-сербский конфликт на рассмотрение «Международного арбитражного суда» в Гааге. Россия имела военный договор с братской Сербией, и потому Николай II заявлял, что он не допустит оккупации Сербии. Но Германия поддержала Австрию и объявила войну России. Франция и Англия объявили войну Германии.

На волне патриотизма на сборные пункты в России явилось на 15% больше резервистов, чем требовалось.

Из-за вступления в войну России Австрии пришлось перебросить большую часть войск на свой восточный фронт. Так Сербия была спасена.

мВ военном отношении 1914 год был для России удачным на Восточно-Прусском, на Галицинском и на Закавказском направлениях.

Но в 1915 году немецкое командование перебросило на восточный фронт все свои главные силы и нанесло Русской армии серьёзное поражение. В результате Россия потеряла всю Польшу, часть Прибалтики, часть Белоруссии и часть Украины. Сами по себе военные неудачи не сломили дух Русской армии, но в самой России начала назревать революция.

В сложнейшей ситуации к осени 1915 года царь Николай II сам взял на себя верховное главнокомандование всей Русской армией. Его собственные знания в

военной области, непоколебимая вера в победу, ежедневный титанический труд, а также умелая работа с высшим командным составом привели к тому, что общий кризис на всех фронтах был преодолён.

В 1916 году «погибшая Русская армия» осуществила Брусиловский прорыв, в результате которого Австрийская армия оказалась на грани катастрофы. Русские войска заняли Буковину и Восточную Галицию. В те дни царь Николай II сказал:

– Я много работаю и, будучи в курсе всех наших военных действий, вполне убеждён, что победа нам обеспечена!

Победа России в Первой мировой войне той была близка, но в феврале 1917 года в Санкт-Петербурге вспыхнули беспорядки, и за несколько дней они переросли в революцию. Восставшие захватили арсенал и Зимний дворец…

В конце февраля 1917 года российскому народу было объявлено, что император Николай II добровольно отрёкся от престола, и что сам он находится под домашним арестом в Царском Селе. В августе месяце царскую семью отправили в Тобольск, а позже – в Екатеринбург. И там, в середине июля 1918 года, во исполнение постановления № 306 исполкома Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в полуподвальном помещении дома купца Ипатьева, царь Николай II и вся его семья были расстреляны…

Вот так царь Николай II донёс свой тяжкий крест до конца. Узники Ипатьевского дома проявляли удивительное благородство и ясность духа. Истинное величие царской семьи в те дни происходит не из их царского достоинства, а от той удивительной нравственной высоты, на которую все они постепенно поднялись. В последнем своём письме великая княжна Ольга Николаевна Романова написала, что отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, чтобы не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет ещё сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь…

Одной крестьянке, жившей в Подмосковье, было два сновидения. В первом она слышала голос: «Есть в селе Коломенском большая черная икона. Её нужно взять, сделать красной, и пусть молятся». Во втором сне она увидела белый Храм и в нём величественную Матерь Божию. Та женщина пришла в Коломенское 2 марта 1917 года, в тот самый день, когда Россия осталась без царя. Она узнала тот Храм, что видела во сне и в церковном подвале, под слоем пыли была найдена черная икона Державная. На ней Божья Матерь восседает на Царском престоле в красной порфире, с венцом на голове, со скипетром и державою в руках. У Неё на коленях – благословляющий Богомладенец Иисус

Христос. Вскоре эта икона чудесным образом просветлела, и на ней появились красные оттенки. Явлением своей иконы Царица Небесная засвидетельствовала, что теперь Она сама станет Царицей Русской земли.

– Анатолий Владиславович, а есть ли ещё какие-то знаки, что царь Николай II свят? – в продолжении разговора я спросил у Анатолия Сурского.

– Ну конечно! Вот посмотри, – весьма увлеченно продолжил он. – До Второй мировой войны в Сербской Армии все пересказывали друг другу вот такой небывалый случай: «В ночь убийства Царственных страстотерпцев в Соборной Церкви Белграда вдруг появился сам Русский царь Николай II. Склонившись перед иконой святого Саввы, царь-мученик молился вслух за сербский народ. Потом государь пришёл один в Главный штаб. Там он велел доложить ему о состоянии Сербской Армии. И всё ему было доложено…»

В 1927 году сербы доверили русскому академику живописи Степану Колеснику расписать купола и стены Храма, в древнем монастыре святого Наума, что стоит на Охридском озере. Ему дана была полная свобода творчества. Художник взялся за труд с большим вдохновеньем, сразу же наметил на стенах и на колоннах Храма 15 овалов и вписал в них 14 ликов святых. Но один овал остался свободным, и какое-то необъяснимое чувство заставляло его отложить кисти.

И вот, однажды в сумерки Колесник вошёл в тот Храм. Внизу уже темнело, но верхнюю часть молельного зала всё ещё освещали красноватые лучи закатного солнца. В дивной игре света и теней всё ему казалось каким-то небесно-неземным. И вдруг, художник увидел, что пятнадцатый – чистый овал вдруг ожил. Оттуда на него смотрел скорбный лик императора Николая II.

Пораженный видением, Степан Колесник стоял в оцепенении. Затем, охваченный молитвенным порывом, не нанося углем контуров чудного лика, он сразу же стал писать кистью. Из-за наступления ночи ему пришлось прекратить работу. Всю ту ночь художник не мог уснуть. И с первыми лучами солнца он вновь взошёл на леса и стал работать с необычайною быстротою. Закончив лик, он по вдохновению написал под ним: «Всероссийский император Николай II, принявший мученический венец за благоденствие и счастье славянства».

Вскоре в тот монастырь приехал генерал Ристич – командир Битольского военного округа. Он долго смотрел на лик царя-мученика, и по щекам его текли слезы. Это была настоящая икона – окно в высший мир, через которое святой император смотрел на него из вечной жизни. И это был не мысленный образ, созданный воображением, а живой обитатель Рая. Обратившись к художнику, генерал негромко произнёс:

– Для нас, сербов, он есть самый великий, самый почитаемый из всех святых…

Ещё в Сербии получила широкую известность история о казаках, времён гражданской войны. Записи о ней были найдены в архиве протоиерея М. Польского.

Большой отряд Красной армии преследовал белогвардейский обоз, который прикрывал небольшой отряд казаков. В пору вечерних сумерков красные загнали белых в гиблые болота, и чтобы самим в них же не утопнуть, они решили с расправой повременить до утра. Всего с тем обозом у болот оказалось 98 человек – 22 казака, 7 раненых, 1 священник, 43 женщины, 14 детей и 11 стариков и инвалидов, и был с ними 31 конь.

И вот, стоя в темноте у болот, отец Илия сказал:

– Сегодня день памяти нашего царя-мученика. Сын его, отрок Алексий-царевич был войск казачьих Атаманом почетным. Попросим же их, чтобы походатайствовали они пред Господом о спасении христолюбивого воинства казачьего!

И священник начал служить молебен «Царю-мученику, государю Российскому». Он пел, и все ему подпевали:

– Святые мученики дома царского, молите Бога о нас!

А в конце молебна он дал вот такой отпуст:

– Молитвами святого царя-мученика Николая, государя Российского, наследника его отрока Алексия-царевича, христолюбивых войск казачьих атамана, благоверной царицы-мученицы Александры и чад ея – царевен-мучениц, помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец.

Завершив молебен, священник Илья со всею решимостью произнёс:

– А теперь, христолюбивые братья и сёстры, Господь поведёт нас прямо через болота!

– Батюшка, да ведь Царственные мученики ещё не прославлены! – возразил ему кто-то. – От них ещё не было явлено чудес…

И тогда отец Илия стал говорить ещё более настойчиво:

– А вот молитвами их мы и выйдем! А вот и прославлены они! Сами слышали, как народ божий их прославил! А вот и покажет нам пусть святой отрок Алексий-царевич! Али не видите вы чуда гнева Божия на Россию за их неповинную кровь?

А вот узрите вы спасение чтущих святую память их!

Тогда все, кто там были, стали осенять себя крестными знамениями, да и двинулись вослед за священником прямо через болота. Пробирались они и то по колено, то по пояс, а то и проваливались по шею. Лошади вязли, выскакивали и опять шли. Никто из них за время всего пути не сказал ни слова, и ни одна лошадь не заржала.

Вот так шли все они, пока не вышли на другую сторону болот, и оказались в главном расположении казачьих сил. Ночью дозорные красных никакого особого шума у тех болот не слышали, но утром целого обоза они там не нашли. Были люди, и нет их. А местные жители и верить отказались, что там смог кто-то через гиблые болота пройти…

В комиссию Священного Синода по канонизации Царственных страстотерпцев было представлено такое свидетельство: «… Долго не решалась сообщить о событии, которое произошло со мной, православной христианкой – Михайловой Евгенией Николаевной и моей знакомой – Мироновой Любовью Флорентьевной. 15 октября 1991 года мы поехали за клюквой на болото в деревню Красницы, что в 25 км от Пушкино. Набрав ягод, мы стали выходить из болота ещё засветло – в 16 часов 30 минут, но выйти не смогли, хотя находились недалеко от выхода на нужную тропу.

В октябре темнеет быстро, и мы потеряли ориентир:болото огромное, тропинок много. Тогда мы пошли на звук электрички и заблудились совсем. Я стала читать вслух молитвы, но чем дальше мы шли, тем места становились непроходимее – топи, поваленные деревья, и дороги назад тоже не было. Темнота надвинулась разом, кричать бесполезно – кругом никого нет. Я продолжала читать молитвы и идти, ощупывая палкой глубину воды. И вдруг я вспомнила, как озаренная, случай о том, как отряд казаков был окружен в болотах, и вместе с отрядом был обоз с ранеными и стариками, среди них был священник. Они стали молиться Царским мученикам и вышли из болота к своим.

Я в отчаянии стала читать в небо молитву, которая сложилась в моем сердце: «Убиенный благоверный царь-мученик Николай, убиенная царица-мученица Александра, убиенные мученицы великие княжны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, убиенный мученик царевич Алексий, и все убиенные с ними, ради Господа нашего Иисуса Христа, выведите нас из этого темного леса, из топкого болота! Царские мученики, спасите нас, рабу Божию Евгению и Любовь!» Это была молитва надежды и отчаяния, в абсолютной темноте и среди топи – мы ощупывали почву палкой и шли, куда, уже не знали совсем.

Прокричала я два раза мою молитву – и что-то в темноте засветилось. Это был сук от дерева, без коры, и ещё, и ещё. Хватаясь за них, мы прошли по длинному дереву, под ногами не было воды. Вытянув руку вперед, как слепая, я шла и продолжала кричать в небо свою молитву. Любовь шла за мной. Молитв через пять мы вышли на широкую просеку. Светила луна, на дороге были видны следы. Мы долго шли по этой тропе и пришли в Сусанино. Проплутав в темноте шесть часов, приехали домой в полночь, не веря самим себе, что мы живы. Я заказала отслужить панихиду по Царским мученикам, и с тех пор для меня Царь-мученик Николай II и его семья – святые, наши спасители».

В 2018 году в Сербии была написана большая крестоходная икона Царя-страстотерпца Николая II. Освящение её происходило близ города Смедерево, где во время Первой мировой войны погибло много сербских солдат. Когда священник стал освящать эту икону, то она замироточила. Увидев это, все верующие и с молитвою опустились на колени. С тех пор пред иконою той происходят чудесные исцеления и в том числе от онкологии.

И ещё один любопытный материал был опубликован в журнале «Православная Жизнь» за 1968 год. В 1952 году в Монморанси под Парижем, при доме Союза Русских Военных Инвалидов, была построена и освящена церковь «В память государя императора Николая II, всей Царской семьи, верных слуг ея, всех воинов, за Веру, царя и Отечество живот свой положивших, на поле брани павших и в борьбе с большевиками погибших и умученных». С нею было связано два чуда.

Белоэмигрантское движение заказало проект новой Церкви, и в своё время его получило. Но вот денег на строительство Храма не было. И именно в этот момент казначею Союза Инвалидов Апостолу Александровичу Костанде кто-то возвратил крупную сумму денег, которую он считал давно пропавшей, и которая оказалась в точности равна сметной стоимости Храма. Увидав в этом знак свыше, казначей решил пожертвовать всю её на святое дело.

А по завершении строительства произошло второе, ещё более удивительное чудо. Через три часа после освящения новой Церкви в честь «Государя императора Николая II, всей царской семьи, верных слуг ея…» Апостол Костанда вошёл под своды её, чтобы помолиться в тишине о спасении России. В связи с тем, что тогда шла пасхальная неделя, Царские врата в Храме были открыты. Казначей опустился против них на колени и стал молиться.

Глава 6. Жизнь Василия и Полины Андреевых в новые времена

Далее Анатолий Сурский вновь открыл свой фотоальбом и сказал:

– А вот и две фронтовые фотографии Василия Андреева. На первой он в шинели, в фуражке, в офицерских сапогах, с погонами поручика сидит в траншее среди солдат. По тому, как стоят и сидят солдаты, видно, что они весьма уважают своего командира. Мы знаем, что в Первую мировую войну наш прадедушка водил в штыковые атаки солдат. Второе фото сделано летом. На нём Василий Корнеевич склонился над английским мотоциклом и чинит его. К сожалению, я никак не могу прокомментировать эти фото.

С самого начала войны лейб-гвардии Семёновский полк воевал в Польше и Белоруссии, но рота моего прадедушки ещё с год находилась в Санкт-Петербурге и несла караульную службу. А летом 1915 года, в самое тяжёлое время, и она была отправлена на фронт. Траншеи Семёновского полка находились недалеко от города Могилёв, где и родился Василий Корнеевич. Но попасть в него и посетить Дворянское собрание – он так и не смог.

Там же, под Могилевом, находилась и ставка всей Русской армии, где во время «Великого отступления» верховное командование принял на себя царь Николай II. И нам известно, что Василий Корнеевич видел однажды как царь без всякой охраны гулял по дорожке у берёзовой рощи и говорил там с крестьянами.

Февральскую революцию 1917 года Василий Корнеевич встретил в окопах. Известие о том, что царь Николай II добровольно отрёкся от престола, ввергло его в глубокое уныние. Главным тут было то, что он давал присягал присягу верности – Богу, царю и Отечеству, а сейчас почти ничего от того прежнего уже не осталось. Служить же «Бонапарту» Керенскому, который всё это и разрушил, он не желал вовсе. Да и вся армия уже разлагалась. Со всех офицеров были сняты царские погоны, нижние чины наравне с офицерами заседали в солдатских комитетах и постоянно проявляли неподчинение. Василий Корнеевич захотел уйти с фронта, и единственно сделать это мешала ему его честь.

И вдруг летом 1917 года по траншеям лейб-гвардии Семеновского полка пронеслась весть, что к ним на авто прибыл с инспекцией генерал-майор Владимир Шильдер. Как говорили, в последние годы он занимал очень почётный пост директора Александровского лицея (бывшего Царскосельского).

Василий Корнеевич поспешил в штаб, что располагался на хуторе, у берёзовой рощи. Во дворе его он сразу же увидел самого генерала, заметно поседевшего, со всё так же торчащими в две стороны усами. Подойдя к нему и отдав честь, прадедушка произнёс:

– Позвольте обратиться, ваше сиятельство! Поручик Василий Андреев! Может, вы меня помните? Я был воспитанником лейб-гвардии Семеновского полка. Вы сказали на нашей свадьбе с Полиной, что если возникнет необходимость, я могу обратиться к вам лично, где ни отыщу. И вот мне очень надобен ваш совет.

– Помню-помню я вас, Василий! Сын лейб-гвардии Семёновского полка – всегда мой сын! – сказал ему генерал. – Своими успехами вы немало порадовали меня, да и ваша супруга тоже. Сын лейб-гвардии Семёновского полка – всегда мой сын! Все дела свои я у вас уже завершил, да и сел уже в авто, чтобы ехать дальше, да он чего-то забарахлил. Механик с водителем сейчас возятся с его мотором. А потому я могу погулять с вами вот возле этой рощи. Как только машина будет готова – они дадут мне сигнал.

И прадедушка или час или больше гулял с генералом Шильдером по цветочным полянам среди берёз. Там Василий Корнеевич раскрыл перед ним свою душу и спросил:

– Так как же мне, ваше сиятельство, следует по чести поступить?

Тот же немного задумался и улыбнулся:

– Что-что вы говорите? По чести? Что-то давно я не слышал такого слова… Выходит, вы и царя любите?! Похвально-похвально. Горжусь вами! Все эти вопросы и меня сейчас много волнуют. Выходит, с вами мы одних кровей.

Из всего, увиденного на фронтах, я могу вам доложить, что Русская армия повсюду имеет численное и техническое превосходство, но нигде она не атакует и всюду стоит. И на то имеются две причины. Первая – все наши солдаты устали от войны и не желают ходить в атаки. И второе – всё гражданское общество также устало от войны, и когда мы недавно начали масштабное наступление, то в Петербурге и в Москве народ вышел на демонстрации с черными и красными флагами, с транспарантами – «Долой войну!»

А знаете, Василий Корнеевич, мне ведь лично посчастливилось поговорить с батюшкой Иоанном Кронштадтским. Что бы я без его чистых глаз сейчас делал?

Всё, дорогой мой, в человеке соделывается верою. И если её подорвать, то и вся его внутренняя линия духовно-нравственного фронта прорывается. Российское самодержавие потому и пало, что многие россияне отпали от Бога. За то грядёт на все наши головы страшный Гнев Божий. Скоро уже грянет та буря, о которой говорится в собственноручном письме старца Серафима Саровскому нашему императору, присланном из того далёкого прошлого. Держал я в руках его список и простить себе не могу, что не снял себе копии.

Так вот, святой Серафим предсказал, что в России будет «страшная революция, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция – ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца Земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется ещё Православие и остатки благочестия христианского». И потом «Господь помилует Россию и приведет её путем страданий к великой славе...»

Так что то, что сейчас происходит в России, Василий Корнеевич, – это только начало бедствий, и куда большая буря нас ждёт впереди. За тяжкий грех богоотступничества Бог оставит Россию Своею Благодатью, и предоставит её на долгое время себе самой. И если даже сам царь Николай II ничего не смог с тем поделать, то и нам с вами предотвратить этого не удастся.

И пока здесь мы одни, я могу кое-что рассказать вам, для вашего понимания…

Вот вы, Василий, сокрушаетесь, что царь Николай II манифест об отречении подписал! И напрасно вы сокрушаетесь – самодержец наш духом не пал и от престола сам не отрёкся. На псковской станции «Дно» царский поезд захватили предатели. Член Государственного совета Александр Гучков, вместе со многими другими изменниками пытались всячески склонить императора нашего к отречению, но он не поддался. Тогда эти негодяи объявили в прессе об отречении от престола Николая II подложно. И наш народ все это спокойно и проглотил.

Второе. К свержению царя Николая II причастны и наши союзники по Антанте. Верные люди показали мне донесение офицера французской разведки. В нём говорится, что «видным организатором переворота выступил британский посол сэр Джордж Бьюкенен, верховодивший всем заодно с Гучковым. В дни революции русские агенты на английской службе пачками раздавали рубли солдатам, побуждая их нацепить красные кокарды».

А само свержение нашего государя произошло так. Генерал-адъютант Михаил Алексеев заманил царя в Ставку, и тут же в Санкт-Петербурге начались беспорядки. Все главнокомандующие русских армий, в том числе и хвалёный Брусилов, вступили в сговор иуд. И потому приказ Николая II – «Навести порядок в столице!» – не был выполнен…

В первый же день своего правления Временное правительство объявило, что Россия будет воевать до победного конца. Это стало для самого него похоронным звоном. Александр Керенский, как ставленник Запада, заключить

мир с Германией никак не может, а россияне не хотят более воевать. Дать землю крестьянам он тоже не может, так как тогда все солдаты побегут с фронта, получать наделы. Да улучшить жизнь рабочих он не может, так как на это нету средств. Вот потому вся Россия сейчас свистит и вибрирует, как перегретый паровой котёл с забитыми спусковыми клапанами, который вот этой осенью непременно взорвётся.

А вы знаете, Василий Корнеевич, ведь царь Николай II русско-японской войны не проиграл. Когда ему доложили, что для окончательной победы над Японией необходим ещё год и потери в 200 тысяч человек, то наш император, как христианин, сказал: «Не будем губить людей!» Прочитав проект мирного договора, представленный японцами, он решительно его отверг и сам написал свой договор – уже без всяких контрибуции и с условием, что японцы возвратят нам половину Сахалина. И японский император с его правительством на это согласилась! Но демократы, чтобы осрамить нашего царя перед российским народом, раструбили о его поражении.

И затем мой прадедушка спросил у Владимира Шильдера прямо:

– Ваше сиятельство, как и для чего сейчас стоит жить?

И генерал, пройдя немного среди берёз молча, ответил так:

– Василий Корнеевич, нынче безумие сотрясает всю Россию. Всё, что нам дорого – кануло в лету, и нам придётся это принять. «Паровой котёл» рванёт непременно. Ну, а там власть в России и, быть может, во всём мире захватят потомки Каина, которые начнут дружно строить рай без Бога на Земле! Кстати, предыдущую подобную попытку прервал Всемирный потоп. Марксизм – это не что иное, как древний, по-новому предложенный, дьявольский соблазн. Все, кто прельстятся на него – погубят свои души. Здесь, на Земле, где повсюду действует тьма, каждый человек может найти Бога и Рай Его только в своей душе. Сам для себя я решил, что лучше бы мне вступить в Повстанческий корпус и с ним погибнуть, чем стать частью всемирного зла.

Но Повстанческий корпус, Василий Корнеевич, никак не для вас. Не зло победит зло, а только любовь. Вот вы сумели дом души своей построить не на песке денег и карьеры, а на камне Христовой веры. И потому, как говорится в Евангелии, «когда пойдёт дождь, и разольются реки, и подуют ветры, и устремятся на дом тот, то он не упадёт, потому что основан был на камне». А потому у вас есть крепость, чтобы пройти через всё, что грядет, и семью свою для будущей России – ещё более прекрасной, чем наша с вами – вы сумеете спасти. И вы сможете передать в будущее всё то лучшее, что в вас есть, через

детей, внуков и правнуков ваших!

Россия гибнет сейчас оттого, что за долгие века её существования в ней накопилось много корявого сухостоя, что и само не растёт, и ничему расти не даёт. И вот, чтобы поправить дело, нужен весенний напалм, который и очистит землю для новой жизни. А потом, как птица Феникс, Русь Святая возродится из пепла вновь. А новые ростки её пойдут всё от того же крещения Руси, через всех русских святых и помазанников Божьих.

Как мне помнится, на свадьбе вашей я вам так и говорил: «С вас начнётся благословенный род Андреевых, где в каждой семье будут офицеры, преданные Богу, царю и Отечеству! Если, так всё действительно и будет, знайте, – вы не напрасно прожили свою жизнь…» И потому не смотрите вы на окружающих вас людей. Бог сам поставит послушных Ему овец по свою правую Свою сторону, а непослушных козлов – по левую. Всё спасение рода вашего зависит только от троеперстия вашего в закрытой вашей комнате и от терпения. Кстати, Василий, я видел у вас замечательные иконы. Вот как было бы хорошо сберечь их, через потомков ваших, к великому времени возрождения России!

Потому, Василий, я как сыну тебе говорю. Уходи с фронта! И в Петрограде вы тоже не задерживайтесь. Дом у Аничкова моста вам надо продать. И керенками за него не берите, а только николаевским золотом.

– А куда же нам ехать, Владимир Александрович?

– Вам нужно до конца сентября осесть где-нибудь в провинции. В Польшу и в Белоруссию ехать вам никак нельзя – там стоит фронт. За Уралом – будет спокойнее. Да и у нас в Пензе тоже. Знаете, какие красивые у нас места?! Повсюду среди лугов стоят берёзовые рощи, вот почти такие же, как эта, и сосновые леса там тоже есть. А речка наша Сура раза в два шире вашей Фонтанки будет. Вот когда я в отставку уйду, то обязательно туда вернусь…

И мой прадедушка сразу оставил фронт и пробрался в революционный Петроград. Там они с прабабушкой решили послушаться генерала Шильдера, как отца, и перебраться в Пензу, чтобы там с ним вместе и жить.

Свой особняк у Аничкова моста Андреевы продали быстро. Первый же купец, пришедший его посмотреть, им показался человеком порядочным, и он, действительно, заплатил им николаевским золотом…

Из Петрограда в Пензу мои прадедушка и прабабушка переехали вместе с детьми на пассажирском поезде, все в одном купе. А ящики же с самыми ценными вещами и иконами ехали вместе с ними в товарном вагоне. В сентябре

1917 года Андреевы смогли приобрести себе особняк в самом центре Пензы. Это был основательный двухэтажный купеческий дом из красного кирпича, с парадным крыльцом.

Их соседом оказался близкий друг поэта Сергея Есенина Анатолий Мариенгоф. На их улице жили и другие очень приятные творческие личности. У всех тех глубоко интеллигентных людей тогда были печатные машинки, которые время от времени ломались. Вот их-то мой прадедушка и принялся ремонтировать. И слава о нём, как о «мастере золотые руки», пошла по всему городу.

Ко времени переезда Андреевых в Пензу в их семье было четверо детей, а их пятая дочь – моя бабушка Зинаида – родилась уже в Пензе.

Василий Корнеевич и Полина Леонтьевна умели уступать друг другу, и потому между ними ссор не было… Но в Пензе моей прабабушке пришлось с одной только горничной вести весь дом, да ещё и управляться с пятью детьми. Ежедневное капризы и непослушание детей немало утомляли её. И потому она, чуть что, хватала вожжи и лупила их. При таком воспитании все они были шелковые. А мой прадедушка, очень любивший всех членов своей собственной семьи, детей всегда защищал. Всякий раз, когда жена при нём срывалась, то он просто подставлял руки свои под её вожжи. Ну, а так как она никак не могла причинить ему боль, то сразу же начинала плакать и бросалась к нему на шею. А он её утешал…

Полина Леонтьевна веры глубокой не имела, а вот Василий Корнеевич в годы Советской власти сделался человеком кротким, набожным и весьма терпеливым. Никто никогда не слышал от него ни одного грубого слова, а слово «дурак» он не мог физически выговорить.

А вот генерала Владимира Шильдера в Пензе Андреевы так и не дождались. Мой прадедушка сумел отыскать его близких, и кто-то сказал ему тихо: «В конце октября 1917 года в Петрограде генерал-майор Шильдер поддержал юнкерский мятеж а, может быть, даже и возглавил его. Революционеры его арестовали и, похоже, расстреляли».

Между тем, как сказал святой Серафим Саровский – «Мужик с топором возьмёт в безумии власть, но и сам опосля восплачется» – так и вышло. В 1921 году по всей России начались массовые народные волнения. В марте месяце они выплеснулось в Кронштадтский мятеж, а за Уралом в это время заполыхало большое крестьянское восстание. Красная армия всюду давила «контру».

Советская власть осознала, что без слома Православной Церкви никакого коммунизма ей не построить. И вот Советская государственная машина под

руководством компартии начала неслыханные гонения на христиан. А началось всё с изъятия из Храмов святых мощей.

Видя, к чему всё идёт, мой прадедушка устроил замечательный тайник на чердаке дома своего и, тщательно упаковав, перенёс в него почти все свои иконы. И он сделал это вовремя. Через несколько дней к Андреевым ворвались чекисты. Делая обыск, они раскидали все вещи в доме, но ничего контрреволюционного, кроме двух небольших икон, не нашли. Чекисты забрали Василия Корнеевича и продержали его в своём подвале всю ночь. А утром, с приходом начальства, из-за отсутствия улик, они его отпустили.

Как раз в то время святая Матрона Московская сказала так:

– На всё Воля Божья. Церквей стало мало, потому что верующих станет мало и служить будет некому. Народ под гипнозом, сам не свой. Страшная сила вступила в действие. Люди беззащитны, потому что не носят крестов, не молятся. А сила та – бесы…

Да и Василий Корнеевич Полине Леонтьевне в тот год сказал:

– Один только Бог спасает…

А во время его молитв, она расслышала такие слова:

– Господи, угаси мою боль и подскажи, что мне нужно делать…

В том же 1921 году у нашей семьи новые хозяева мира – пензенские Шариковы и Швондеры – реквизировали её красный купеческий дом. Они всюду тогда проводили «уплотнение». На первом этаже нашего дома они устроили свой комиссариат, а на втором – коммуналку. Для семьи Андреевых в семь человек новые власти оставили три комнаты, а в остальные три они подселили три семьи из малоимущих. Всем жильцам второго этажа было велено выходить на улицу только через черный ход.

И ещё, в 1921 году, чтобы ослабить гражданское напряжение и восстановить разрушенную Гражданской войной экономику, Советская власть объявила НЭП (Новую экономическую политику), в рамках которой разрешалось мелкое и среднее частное предпринимательство.

Вот тогда Василий Корнеевич на оставшиеся после продажи питерского дома денежки открыл свою артель «Новый быт». В ней он, с несколькими толковыми слесарями, брался за ремонт любой бытовой техники и даже за сейфовые замки. Но в основном им приходилось ремонтировать печатные машинки. Эта артель просуществовала до середины 1928 года, когда Советское государство через

налоги придушило НЭП. А когда артель «Новый быт» перешла в ведение государства, то прадедушка так и остался работать в ней, простым мастером по ремонту пишущих машинок.

Для того, чтобы замести следы, Василий Корнеевич справил и себе, и жене новые советские документы. В его паспорте значилось, что он родился в городе Могилёв, в семье рабочих, и является русским. А Полина Леонтьевна по паспорту стала русской, из семьи мещан, рождённой в Санкт-Петербурге. Сами же они при необходимости говорили, что она имеет среднее образование, а он – начальное.

Так как Василий Корнеевич в детстве был круглым сиротой, то всю родню ему заменяли верные друзья. И вот теперь, в новой жизни он искренне дружил со всеми мастерами своей артели и никогда не обижал их зарплатою. А ещё он сам избрал себе близкого друга из высокообразованной среды. С этим человеком он говорил на тонкие темы абсолютно открыто и за такое отдохновение помогал ему деньгами, да ещё и приглашал столоваться у него.

А вот когда у Василия Андреева отобрали артель, то он сам оказался в стеснённых обстоятельствах. Помогать деньгами столь щедро, как и ранее, своему «интеллигентному другу» он уже не мог. И тот, потеряв в свою очередь доход, на прадедушку разобиделся, «как человек преданный рабоче-крестьянскому делу» написал «чистосердечное» заявление в НКВД. В нём он сообщил, что под видом мастера по ремонту пишущих машинок в артели «Новый быт» скрывается бывший офицер царской армии. К тому же он является ещё и верующим, и то-то, и то-то сказал о Советской власти (что-то не очень резкое)… И Василия Корнеевича, как антисоветчика, тут же, прямо в мастерской артели, арестовали.

Другие мастера сообщили моей прабабушке об этом тотчас же. Она при этом так испугалась, что руки у неё дрожали. В том шоковом состоянии она стала бросать в горящую печь все документы и фотографии, связанные с дореволюционным прошлым. И тогда она сожгла и наградную грамоту Василия Корнеевича, подписанную самим Николаем II…

На другой день в три наши комнаты ворвались какие-то крепкие ребята и вынесли из них всю мебель и все вещи, оставив только голые стены и голый пол. Так Полина Леонтьевна оказалась одна с пятью детьми, не имея ни близких, ни друзей, без средств к существованию. Всем грозила им голодная смерть. Это было ужасно.

А так как Василий Корнеевич искренне любил Бога, то и Господь его не оставил.

Лет десять назад нашим пензенским родным, как близким подвергшегося политическому террору в СССР, Пензенским обществом «Мемориал» были представлены копии некоторых документов из следственного дела прадедушки. В них говорится, что Василий Корнеевич Андреев, механик по ремонту пишущих машинок, Особым совещанием ОГПУ (по 58 статье, пункт 10 – проведение антисоветской агитации против пролетариата и отдельных мероприятий, проводимых Советским правительством и ВКП(б)) был приговорён к трём годам высылки в Сибирь. А ниже там, от руки уже, была сделана приписка: «23.12.1929 года особым совещанием при коллегии ОГПУ от наказания освобождён»…

В те годы подобные записи делались в делах у тех попавших под арест граждан, кто пошёл на сотрудничество со следствием и помог раскрыть какой-нибудь «заговор». Но мой прадедушка никакой новый заговор не раскрыл. А было вот что.

Пензенский обком ВКП(б) суматошно готовился к приезду очень высокой инспекционной комиссии из Москвы. И вдруг от самого важного сейфа исчез один-единственный ключ. А в нём хранилась печать обкома и боевая реликвия – революционное знамя. За утрату и того, и другого полагался расстрел. Взорвать шашкой дверцу сейфа было нельзя, так при этом повредилось бы и всё его содержимое. До приезда комиссии оставались считанные дни.

В одной из пензенских тюрем был найден один вор-медвежатник, но его «циркуль» взять металл того сейфа не смог. И тогда кто-то сказал обкомовцам: «У нас в Пензе есть один пролетарский самородок, который, с одним только начальным образованием и с докторской слуховой трубочкой, любые сейфовые замки ремонтирует! Он даже без ключей сейфы открывает. Вот только недавно его за что-то арестовали…»

Сотрудники обкома тотчас же отыскали Василия Корнеевича в НКВД. Сам секретарь обкома приехал в Народный Комитет Внутренних дел и велел принести ему дело прадедушки. Потом он спустился в подвал и очень вежливо с ним говорил:

– Большой вины, Василий Корнеевич, за вами нет. И если вы сейф нам за два дня откроете, то, вот вам моё честное партийное слово – мы вас отпустим.

– Хорошо, я попробую, – подумав, согласился прадедушка. – Только привезите мне мои инструменты…

Замок сейфа того оказался непростым. Но Василий Корнеевич успешно справился и с ним. И уж вольно или невольно, но он открыл его перед самым прибытием поезда с комиссией. Все обкомовцы тогда уже вконец перетряслись.

И секретарь обкома сдержал своё партийное слово. В тот же день Василию Корнеевичу принесли в камеру его паспорт и, ни слова ни говоря, вывели на улицу. И во все последующие годы никаких проблем с правоохранительными органами у него больше не было.

До ареста в НКВД мой прадедушка имел отменное здоровье, но за месяц, проведённый в сыром холодном подвале, он его подорвал. Сразу же после выхода на свободу Василий Андреев сильно заболел. Мастера из артели «Новый быт» принесли Полине Леонтьевне большую сумму денег, и она его выходила. И потом, всю оставшуюся жизнь, эта болезнь у прадедушки всё время обострялась.

Когда же Василий Корнеевич пошёл на поправку, то к нему вдруг пришёл главный инженер пензенского военного завода. Тот предложил ему высокий разряд механика и хорошую к нему зарплату, если он перейдёт из артели на работу к ним. И прадедушка согласился. А потом его фото лет пятнадцать не сходило с доски почёта того предприятия. А на собраниях большого заводского коллектива о нём не раз говорили:

– Вот он – наш пролетарский самородок!…

Во время Великой Отечественной войны, должно быть из-за заводской брони, Василия Корнеевича в армию не призвали. Из земной жизни, полной скорбей, в Вечность мой прадедушка со своею чистою душой ушёл уже после войны, в 60 лет. И, несомненно, все болезни Василия Корнеевича послужили ему ко спасению. Ведь говорят же святые, что если видно, что человек способен вынести тяжкую болезнь, то Бог сразу же даёт ему её.

Так как в первые десять лет в Пензе наша семья жила весьма обеспеченно, то мои прадедушка и прабабушка позволяли детям своим играть даже и с дорогими, по тем временам, фотографиями. Полы же на втором этаже их дома были рассохшиеся. Вот дети и опускали в те щели фотографии. Когда уже после войны тот пол стали перестилать, то под ним было обнаружено десять фотографий. Вот так и дошли до нас дореволюционные фотографии Василия Корнеевича и Полины Леонтьевны Андреевых.

Вдруг алтарь озарился ярким светом, в нём блеснула молния, и оттуда прозвучал голос:

– Спасибо, мой верный и преданный слуга! Россия скоро будет.

А потом оттуда прозвучал и другой голос:

– Вспомни, что я тебе сказал в 1908 году: «Ты воздвигнешь Храм на чужой земле. Он явится прообразом многих Храмов, которые будут построены на земле Русской».

После этого свет в алтаре погас.

Несомненно, что первый голос принадлежалимператору Николаю II, поблагодарившему Апостола Костанду за то, что тот не пожалел денег на строительство самого первого Храма, освящённого в честь него. И потом казначей белоэмигрантского движения, действительно, считал себя царёвым слугой. К тому же Костанда сразу же осознал, что второй голос принадлежал святому Иоанну Кронштадтскому. Ведь это именно он так и сказал, когда посетил его семью в Санкт-Петербурге 44 года назад…